

СЮЖЕТЫ ПРАЗДНИКА В ЛИРИКЕ Б. ПОПЛАВСКОГО

Анализируется семантика лирических сюжетов, связанных с ситуациями праздника в различных его вариациях: ритуальные шествия, цирковые представления и другие. Делается вывод о важности таких сюжетов в контексте образа города и в аспекте их корреляции с внутренней жизнью лирического героя. Отмечаются случаи контаминации разных видов праздника в пределах одного поэтического текста, что не отменяет индивидуального содержания и формы каждого типа праздничного комплекса. Обозначена важность катастрофических финалов праздников, когда человек бессилён защититься от трагического состояния мира.

Ключевые слова: *Б. Поплавский, лирический сюжет, лирический герой, праздник.*

Один из константных образов лирики Б. Поплавского – образ города, средоточия урбанистической цивилизации. Пространство города не статично, оно населено людьми, вовлеченными в различные события, действия, среди которых не последнее место занимают ситуации праздника. Тексты, где присутствует лексема «праздник», содержат отсылки к таким видам праздничных событий, как ритуальные шествия, театральные и музыкальные спектакли (мюзик-холл), ситуации светского бала, циркового представления, городского маскарада и др. Нередко происходит своеобразная контаминация разных видов праздника в пределах одного поэтического текста, однако это не отменяет индивидуального содержания и формы каждого типа праздничного комплекса.

«Праздничные» сюжеты разбросаны по разным сборникам, и вряд ли можно говорить о каких-либо закономерностях авторской поэтической логики. Происходит варьирование устойчивых примет городских увеселений, находящихся на периферии повседневного существования, но в то же время неизменных составляющих городского уклада жизни. Это может быть военный парад, привлекающий внимание прохожих («Над статуей ружье наперевес...») [1, с. 58]; цирковое представление, где «...лошади белые / по арене пригоже кружат» («Разбухает печалью душа...») [1, с. 63]; приватная вечеринка, на которой «танцуют гости за перегородкой, / Шумит рояль...» («Профессиональные стансы») [1, с. 108]; картины бала, происходящего не только в городе, но даже на палубе корабля («Богиня жизни») [1, с. 193]. Изредка упоминаются Рождество и Новый год.

Ситуации веселья как реализация досуга обитателей города: «Мы бережем свой ласковый досуг» («В венке из воска») [1, с. 56] – обнаруживают разительное несоответствие с представлением о должностном настроении вовлеченных в праздники участников, актеров и зрителей. Часто фиксируется усталость лицедеев от притворства, которое начинает «характеризовать свойство лица посредством его сравнения с профессией» [2, с. 197], неуместность самого празднества, его инерционный

характер. В стихотворении «Юный доброволец» стилистически неуклюжее сочетание «беспочвенный праздник» фиксирует нелепость маршевого ритуала новобранцев, которые ритмом шагов как бы пытаются защититься от скорой смерти: «И махают своими руками, / Ударяют своими ногами, / Неотесанно голос повыся, / Неестественно рот приоткрыв» [1, с. 108].

В контексте многих стихотворений микросюжеты праздников, сосредоточенные в пределах одной строфы, могут быть обрамлены далеким от веселья состоянием мира, как, например, в стихотворении «Роза смерти»: «Низко-низко, задевая души, / Лунный шар плывет над балаганом, / А с бульвара под орган тщедушный / Машет карусель руками дамам» [1, с. 185]. Как справедливо утверждает Д. Токарев, в этом тексте рождается картина, в которой основными становятся «понятия, связанные со временем, – весна, осень, заря, закат» [3, с. 75]. Природный круговорот создает иллюзорное спокойствие, веру в неизменность времени, а шум и беспорядок праздника (танцевальный зал, балаган) прячут приближение смерти. Даже ожидание Рождества не сообщает душе чувства сопричастности божественному происхождению мира, а природный космос остается бесконечно далеким от человека: «Рождество, Рождество! Отчего же такое молчанье, / Отчего все темно и очерчено четко везде? / За стеной Новый год. Запоздалых трамваев звучанье / Затихает вдали, поднимаясь к Полярной звезде. / Как все чисто и пусто. Как все безучастно на свете...» [1, с. 289] («Рождество расцветает. Река наводняет предместья...»).

Праздник может стать метафорой облегченно-бездумного проживания судьбы, как в стихотворении «Дух музыки»: «Мы танцевали нашу жизнь под шум / Огромных труб, где рокотало время» [1, с. 214]. Очевидно, что такое восприятие свойственно сознанию лирического субъекта, неизменно помешающего первичное впечатление в контекст вечных онтологических основ бытия, среди которых – непреложность законов времени, смерти. Можно усмотреть определенную закономерность художественной логики Поплавского в том, что

ситуация праздника разворачивается как динамичное действие именно при воссоздании обреченного на убывание или трагический финал праздника, что позволяет рассмотреть лирический сюжет как «конфликт событийного и феноменологического уровней реальности» [4, с. 288]. В стихотворении «Последний парад» оформляется картина веселья, вызванного появлением труппы мюзик-холла: «А сквозь город под эскортом детским, / Под браваурный рев помятых труб, / Проходила в позах молодецких / Лучшая из мюзик-холльных трупп» [1, с. 180]. Город полон счастья, приветствуя артистов, представление продолжается и ночью, обретая характер всеобщего – зрителей и артистов – лихорадочного веселья: «Ночь пришла, и клоуны явились. / Счастье жизни хохотало труппе. / Музыканты-лошади кружились / С золотой стрекозой на крупе» [1, с. 181]. Но вдруг во время спектакля начинается пожар, огонь уничтожает театр и всех находящихся внутри. Катастрофу ничего не предвещало; она случается внезапно, что реализуется столкновением праздничного ажиотажа в процитированной выше шестой строфе и противительного союза следующей строфы: «Но потом огонь блеснул в проходе...».

Стихия огня прочитывается не только как безжалостность судьбы, но как жестокое напоминание об опасности забвения изначальной обреченности человеческого существования. Об этом, может быть, вспоминает один из персонажей в последние минуты: «И, со всех сторон огнем объятый, / Молодой американец нежный / На кривой трубе сыграл бесплатно / Похоронный вальс и безмятежный» [1, с. 181]. Ироническое наполнение двух последних строк исходит от дистанцированного сознания лирического субъекта, для которого все произошедшее остается частью неумолимого течения времени, когда трагедия сделала театр «отошедшим в вечность».

Похожая поэтическая логика воплощается в стихотворении «Черная Мадонна», одном из программных произведений Б. Поплавского, сюжет которого восходит к культу черной Мадонны в средневековой Европе. Ее статуи можно обнаружить по всей Европе, однако большинство из них – французские. Каждый год 25 мая в старинном городке Сент-Мари де ла Мер собираются тысячи цыган, чтобы поклониться своей покровительнице Саре Кали, черной Мадонне, спрятанной в гроте церкви Нотр-Дам де ла Мер. В это время город переполняет праздничная атмосфера. По улицам в сопровождении гитары, скрипки, кларнета или других духовых инструментов, под песни цыган двигается длинная торжественная процессия, сопровождаемая пастухами на лошадях, женщинами в национальных одеждах и целой толпой

зрителей. Процессия относит статую святой через поля к морю и погружает в воду под славословия толпы.

Сюжет стихотворения представляет собой эпизод праздничного шествия («народного гулянья»), обрамленный в первых двух и последней строфе иным состоянием окружающего мира. Атмосфера праздника безрадостная; музыка являет нарушение музыкальной гармонии (визг шаров, соседство пива и музыки); возникает также механическое соседство народного гулянья и официального парада. Финал праздника («запах рвоты», «фейерверка дым пороховой») окончательно закрепляет семантику его профанации, что провоцирует «реакцию» мадонны: «Вдруг возникнет на устах тромбона / Визг шаров, крутящихся во мгле. / Дико вскрикнет черная Мадонна, / Руки разметав в смертельном сне. / И сквозь жар, ночной, священный, адный, / Сквозь лиловый дым, где пел кларнет, / Запорхает белый, беспощадный / Снег, идущий миллионы лет» [1, с. 178–179].

Объект поклонения как бы пребывает в отчаянии от утраты первичного содержания ритуала, поэтому «смертельный сон» Мадонны – это почти смерть: ее миссия уже обесмыслена, участники ритуального поклонения размысли до неразличимости границы между «священным» и «адным». Трамвай 1-й строфы и поезд 2-й строфы можно прочесть как преамбулу событийности шести строф, где сосредоточены события праздника. Тогда первые две строфы семантизируют статичное состояние природы и людей, засыпающих от ритма движения; люди как будто пребывают в неведении относительно мировых катастроф. Первые две строфы смыкаются с последней как пролог и эпилог. Снег в конце как будто закрепляет энтропийное состояние сознания людей и может обозначать повторяемость природных циклов жизни, обреченность человека (снег, идущий каждую зиму и уже миллионы лет).

Особое место занимает корпус текстов, где лирический сюжет сосредоточен вокруг бала мертвецов («Морской змей», «Как лязгает на холоде зубами» и другие). В русле изучаемой проблемы эти стихотворения оказываются своего рода завершением тех трансформаций, которые претерпевают «праздничные» сюжеты, все более утрачивая последние приметы городских реалий и окончательно превращаясь в фантазмагорические картины – порождение сознания лирического субъекта. Одно из ключевых в этом ряду – «Восьмая сфера» (в первой публикации – «Возвращение в ад»). Оставляя за пределами размышлений очевидное типологическое родство текста со стихотворением А. Рембо «Бал повешенных», следует отметить рождение именно в этом стихотворении Поплавского новой

коннотации праздничной темы, связанной с поэтической саморефлексией.

Вначале необходимо обозначить основные выводы монографической статьи А. Чагина, подкрепляемые детальным анализом образного строя текста. Образной доминантой видится «стеклянный дом» – метафора души лирического героя. Внутреннее состояние становится пространством столкновения обыденного существования и трагических процессов, что оформляется так, что «спокойный, „повествовательный“ ритм поэтической речи, традиционный размер стиха, контрастно взаимодействуя с движением поэтического „сюжета“, лишь подчеркивают невероятность, фантазмагоричность разворачивающегося в стихотворении сюрреалистического „действия“» [5, с. 174]. «Метафорическое уравнение» разворачивается, как показывает автор статьи, в следующую цепочку: «„ад“ – „стеклянный дом“ – внутренний мир (душа) поэта – „чернильница“. <...> В последних строфах появляется страшный образ „кромешной радости“... под чьей клешней гибнет раздавленный „стеклянный дом“, брызжащий чернильной кровью... можно заключить... что перед нами – Муза, разрушающая „адские“ видения, живущие в душе поэта, и побуждающая его к творчеству как освобождению от ада в душе» [5, с. 179].

К данному выводу примыкают следующие резюмирующие формулы: «акт творчества, как показывает поэт, мучителен для него... (не случайна

связь „кровь“ – „чернила“)»; с другой стороны, невозможность расставания с творчеством, каким бы мучительным ни было это творчество для поэта» [5, с. 179–180]. Сюжет бала разворачивается не только как замещение живых мертвецами и зооморфными существами («под фалдами хвосты», «у женщин – рыбьей чешуи пласты» [1, с. 87], но и торжество антропоморфизированных пороков: «Болезни странствуют из залы в залу, / А вот и алкоголь – светлейший князь» [1, с. 87]. Фантазмагорический бал метафоризирует не просто мучительность творчества для носителя поэтического дара, но обреченность его на финальную гибель: «Так кружатся воры вдоль камер – во! – / Или солдатик, пораженный смертью» [1, с. 88].

Даже беглое прикосновение к корпусу лирических текстов Б. Поплавского, связанных с ситуациями праздника, позволяет говорить о высоком удельном весе их в контексте всего поэтического мира. Праздничные сюжеты составляют важную часть городского мира и коррелируют с внутренним состоянием лирического субъекта, которому дано проникнуть в трагическое несоответствие праздничного веселья и трагического состояния мира. Ему ведом и трагизм обычного человека, который пытается обрести защиту от страшного знания в праздничных увеселениях. Как проекция внутренней жизни поэта праздник (бал) может нести семантику состояния сознания творческой личности.

Список литературы

1. Поплавский Б. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Стихотворения. М.: Книжница: Русский путь: Согласие, 2009.
2. Гранкина А. Н. Роль метафорической внутренней формы в сфере синонимии // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2012. Вып. 1 (116). С. 197.
3. Токарев Д. В. Между Индией и Гегелем: творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. М.: Новое лит. обозрение, 2011. С. 347.
4. Капинос Е. В., Куликова Е. Ю. Лирические сюжеты в стихах и прозе. Новосибирск, 2006.
5. Чагин А. Орфей русского Монпарнаса // Рос. лит. журн. 1996. № 8.

Компарелли Р., аспирант.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: rosa.comparelli@gmail.com

Материал поступил в редакцию 24.01.2015.

R. Comparelli

FESTIVITY'S SUBJECTS IN B. POPLAVSKIY'S POETRY

The article analyzes the semantics of the lyrical themes related to the situations of the festivity in its different variations: funeral processions, circus performances and others. It is deduced that the importance of these lyrical subjects in the contest of the city's image and in the aspect of their connection with the inner life of the lyrical hero. It should be noted that there are cases of contamination of different type of festivity in a single poetic text. Nevertheless it doesn't mean that the individual content and form of each type of festivity's system is missing. The author marks the motives of festivity's lack of organicity, participants' tiredness from their own dissembling. The situation of festivity is included in the context of ontological bases of being, principles of time and death. The importance of festivity's catastrophic conclusion, when the man is unable to defend himself from tragic state of the world is deduced. Those texts in

which emerges the phantasmagoric scene of the Ball of the dead men occupy a particular position. This scene represents the generation of the lyrical hero-poet's inner world. This kind of festive plots' transformation incarnate the idea of tragic bases of creative gift.

Key words: *B. Poplavskiy, lyrical subject, lyrical hero, festivity.*

References

1. Poplavskiy B. *Sobraniye sochineniy: v 3 t. T. 1. Stikhotvoreniya* [Collected works in three volumes. First volume. Poetry]. Moscow, Knizhitsa Publ.; Russkiy put'; Soglasie Publ., 2009 (in Russian).
2. Grankina A. N. Rol' metaforieskoy vnutrenney formy v sfere sinonimii [The role of the metaphorical internal form in synonymity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2012, vol. 1 (116), pp. 197 (in Russian).
3. Tokarev D. V. *Mezhdru Indii i Gegelem: tvorchestvo Borisa Poplavskogo v komparativnoy perspective* [Between India and Hegel. Boris Poplavskiy's works in a comparative perspective]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2011. P. 347 (in Russian).
4. Kapinos E. V., Kulikova E. Yu. *Liricheskiye syuzhety v stikhakh i proze* [Lyrical subjects in poetry and prose]. Novosibirsk, 2006 (in Russian).
5. Chagin A. Orfey russkogo Monparnasa [Russian Montparnasse's Orpheus]. *Rossiyskiy literaturovedcheskiy zhurnal – Russian journal of literature*, 1996, no. 8 (in Russian).

Comparelli R.

National Research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: rosa.comparelli@gmail.com